

<http://mbiomorph67.ru/N-85-html/cont.htm>
<http://mbiomorph67.ru/N-85-html/TITL-85.htm>
<http://mbiomorph67.ru/>

<http://sgma.alpha-design.ru/MMORPH/N-85-html/cont.htm>
<http://sgma.alpha-design.ru/MMORPH/N-85-html/TITL-85.htm>
<http://sgma.alpha-design.ru/MMORPH/TITL.HTM>

**Международная научно-практическая конференция,
посвященная 80-летию Великой Победы и увековечению Памяти 7303
воинов-красноармейцев, расстрелянных и замученных в душегубках,
умерших от ран, болезней и тяжелейших условий содержания в
лазаретах немецких лагерей военнопленных ДУЛАГ 240 и ДУЛАГ 126 в
1941-1943 годах, располагавшихся на территории Медгородка и
Областной больницы г. Смоленска и захороненных в Братской Могиле
№ 16-19 по проезду Маршала Конева**

Материалы конференции

УДК 343.337

**ВСПОМНИМ ТЕХ... ОНИ БИЛИСЬ ЗА СМОЛЕНЦИНУ, ЧТОБЫ
ФАШИЗМ НЕ ДОШЁЛ ДО МОСКВЫ, НЕ РАСТЕРЗАЛ РОДИНУ!
ВСПОМНИТЬ ВСЕХ ПОИМЁННО: ФЕЛЬДШЕР СИБИРЯК ТЕТЦОВ
АЛЕКСАНДР ПЕТРОВИЧ**

© 2025 г. Яркова И. А.

Посвящено судьбе паренька из далёкой сибирской деревеньки, молодому фельдшеру Тетцову Александру Петровичу, хранимому ангелом, прошедшего ДУЛАГ 184, партизанившего в лесах Белоруссии в легендарном отряде «Вихрь», старшего лейтенанта госбезопасности Владимирова (прототип романа Юлиана Семёнова «Майор «Вихрь»»), подвигу жителей деревни Тихоново, стихийным «госпиталям» Смоленщины. Этот материал – итог многолетней, кропотливой работы по поиску родных героя Тетцова А. П., подлинных документов, публикаций о нём.

Ключевые слова: *пересыльный лагерь ДУЛАГ 184 в г. Вязьме, фельдшер Тетцов Александр Петрович, работа медиков в плену, патриотизм простых жителей земли Смоленской.*

*«И только твёрже выходила из огня,
Суровая, доверчивая Русь.
Ну как ты обходилась без меня?
А я вот без тебя не обойдусь...»*

Участники конференции упоминают в своих докладах Смоленскую землю, г. Вязьму, пересыльный лагерь ДУЛАГ 184, и я с ними в одном ряду. Многие рефераты, доклады оперируют обязательной статистикой цифр, фраз, фактов. Мне же хочется посвятить статью и преподнести уважаемому обществу историю всего лишь одного Человека, моего земляка, сибиряка – Тетцова Александра Петровича, жизнь и судьба которого, может вполне послужить к написанию книги, или даже к созданию сценария для художественного фильма!

Документы из личного архива Александра Тетцова бережно хранят в историко-краеведческом музее его земляки, жители села Новолокти Ишимского района, Тюменской области. Здесь он жил, учился. В 1939 году, получив диплом фельдшера в фельдшерско-акушерской школе г. Ишима, начал трудовую деятельность в сельской больнице родного села. Отсюда в 1940-м был призван на службу в Красную армию. С июля 1941 года по октябрь 1944 года сражался на фронтах Великой Отечественной войны, был активным участником партизанского движения в Белоруссии. После Победы вернулся домой. Вернулись его земляки: Дмитрий Шитов, снайпер; солдаты войны: Василий Болдышев, Яков Шашкин, Павел Комов, Александр Иванов, Михаил Никифоров, Иван Зарембо, лучший друг Илья Жгунов. Из 177 ушедших на фронт возвратились только 94 человека. Они, победители, стали опорой деревни, придя на самые ответственные участки сельскохозяйственного производства.

Александр Тетцов был назначен заведующим сельским клубом. От войны у него остались два тяжелых ранения, контузия, инвалидность. Да кто из фронтовиков не имел ран и болезней? Живые – это главное! А ему всего 24 года! Он молод, полон желаний работать, жить, добиваться победы теперь уже на трудовом фронте. А по деревне нет-нет да и поползет недобрый слушок, дескать, Тетцов-то на войне полицаем был. Он отмалчивался, шутил и работал.

Фото 1. Фельдшер А. П. Тетцов (из семейного архива).

Воспоминания Александра Петровича Тетцова
ГДЕ ТЫ, КЛАРА, ОТЗОВИСЬ!

(Статья написана А. П. Тетцовым в главную газету СССР – «Правда» 15 февраля 1975 года).

Вот уже несколько лет тебя разыскиваем мы – твои боевые друзья. Потеряв всякую надежду найти тебя путем переписки, в середине марта 1973 года я приезжал в г. Смоленск, но тебя не нашел, хотя мы твердо знаем, что после оккупации ты жила в г. Смоленске с матерью и братом. Поиск затрудняется тем, что мы не твердо помним твою фамилию, кажется Нетлау, но в г. Смоленске нет ни одного человека, который бы носил такую фамилию. Чтобы найти тебя или узнать что-либо о твоей судьбе, узнать о судьбе товарищей, которые с нами были или встречались, я решил написать этот рассказ. После «Соловьевой переправы» из 17 забайкальского мотострелкового полка (командир т. Михайловский) был я направлен в 3-й легкопереправочный парк 19 Армии, где вы с Фонечкиной Лидой при штабе Армии работали в военторге. Случилось так, что мы попали в одну группу окруженцев. После нескольких дней безуспешных попыток прорваться к своим с левой стороны г. Вязьмы, мы решили обойти ее справа. Где-то 18-19 октября 1941 года мы перешли километрах в 17 от Вязьмы, смоленский тракт и зашли в колхозный полевой сарай. Перед нами предстала страшная картина – на голой земле лежало около 200 раненых бойцов и командиров Красной Армии, часть из них была без шинелей и даже босиком. Человек 140 были мертвыми, а в остальных еле-еле теплилась жизнь. Как выяснилось, они несколько дней лежали без воды, пищи и без какой-то медицинской помощи,

немцы обрекли их на голодную смерть. Жители же окрестных сел не знали о них. Чтобы оказать помощь раненым, Лида, ты и я решили дальше не идти, оставаться в сарае. Наше решение было поддержано окруженцами. Нам они отдали, кто какую имел гражданскую одежду, а раненым последние сбереженные продукты питания. С рассветом мы собрали у мертвых индивидуальные перевязочные пакеты, бинты, и стали делать перевязки. Чтобы дать раненым по глотку воды и размочить засохшие от крови и гноя повязки, ты таяла в каске снег. Нам неоднократно приходилось прерывать работу и объясняться с немцами, которые к нам подъезжали, так как сарай стоял в 20-25 метрах от тракта, кончались переговоры не всегда удачно.

Помнишь, как двое пьяных немецких солдат на запряженных в тачанку лошадях хотели проехать по раненым (одного пролета с противоположной, от ворот стороны, стены не было). Я схватил лошадей за уздцы и начал пятить назад. Один из немцев навел на меня автомат и выстрелил, но пули прошли выше моей головы, так как Лида успела схватиться за автомат и подняла его вверх, немец взбесился, набросился на Лиду, за это время я успел вывести лошадей из сарая, подбежал к немцам и сумел их уговорить, они уехали, но все же на грудь одного раненого лошадь наступила, и он вскоре умер. Если в какой-то степени сделанные перевязки уменьшали страдания раненых, то лечить и кормить их было абсолютно нечем, выход был один, обратиться к жителям близлежащих сел за помощью. Но вы страшно боялись остаться с ранеными одни, так же не меньше вашего боялся днем идти куда-то и я, так как сплошной вереницей не только по тракту, но и по проселочным дорогам двигались в сторону Москвы наступающие немецко-фашистские полчища, встреча с ними в открытом поле не предвещала ничего хорошего. По кустам оврага и лесу я подошел к деревне Тихоново Относовского сельсовета, в которой стояла немецкая воинская часть. Стараясь не попасть на глаза немцам, я вошел в один из переулков, где первой встретил девушку, которой рассказал о судьбе раненых, это была Шура Петрова (сейчас Зайцева). Она провела меня в дом и быстро собрала девчат. Я рассказал им, где и в каком состоянии находятся раненые, и попросил помочь им. Несмотря на большую опасность, ни одна из них не отказалась, все они пришли в сарай и покормили раненых. Пока я ходил в деревню, вы раненых одели шинелями, сняв их с мертвых, поэтому, покушав и согревшись, большинство из них ночью спали, но ты почувствовала себя плохо, поднялась температура, давала себя знать открытая рана.

На рассвете пришли девушки и женщины, их было вдвое больше, чем вчера. После того, как были накормлены раненые, мы приступили к перевязкам. В метрах 50-60 от сарая у тракта торчало несколько десятков берёзовых крестов, на которых были повешены немецкие каски. Где-то в 11-12 часов дня около них остановились две легковые автомашины, из которых вылезло несколько немецких офицеров. Побыв минут десять у могилы, отдав убитым соответствующие почести, офицеры пошли к сараю. Вы продолжали

делать перевязки, а я, сполоснув и вытерев руки, пошел к ним навстречу. Меня охватило страшное волнение, в голове стучало, дрожали руки и ноги, жил я в эти секунды только одной мыслью – только бы не растеряться, только бы выиграть в этом неравном поединке... Группу офицеров охраняли два автоматчика, один встал возле меня, направив на меня ствол автомата, второй подошел к воротам и следил за находящимися в сарае. Среди подошедших офицеров был генерал, который сразу же на чисто русском языке, обратился с вопросами – кто я такой, что здесь делаю, откуда и куда иду? Подавив волнение, взяв себя в руки, я бодро ответил, согласно ранее подготовленной версии, что студент московского медицинского института с факультета хирургии, иду от бабушки из-под Бреста, где был в гостях с сестрой и подругой. В ожидании пока немецкие войска возьмут Москву, решили попрактиковаться над ранеными, на которых по пути случайно наткнулись. На вопрос, кто из родных живет в Москве, чем занимаются отец и мать, я ответил, что у нас только одна мать, отец взят по линии НКВД, что с ним, мы не знаем. Я стал убеждать генерала, что произошла какая-то ошибка, что отец был хорошим человеком и не мог чего-то сделать плохого, тем более изменить Родине. Генерал, назвав меня наивным мальчиком, сказал, что вероятно мой отец действительно был хорошим человеком, и, конечно, Родине не изменил, а спасал ее, борясь с большевиками, за что они с ним и расправились. Наконец, последний вопрос, которого я больше всего боялся, – по какому адресу я проживаю в Москве? Так как я в Москве никогда не был, беседа о Москве для меня могла быть роковой.

И действительно, достаточно было назвать улицу и номер, как лицо генерала резко изменилось, покрылось белыми и красными пятнами, надулись желваки, он смотрел вдаль и молчал. Я внутренне весь сжался. Что значит его вид и столь долгое молчание? Неужели это провал и гибель всех тех, которые лежат позади меня в сарае, у которых появилась маленькая искорка надежды на спасение. Я проклинал себя за эту глупую придуманную версию, не быть в Москве и называть себя москвичом, можно ли поступить, еще безрассуднее. Мне тяжело было стоять под пристальными взглядами офицеров, которые кроме презрения ко мне, выражали явное недоверие. Я видел, что они мне не верят и готовы разоблачить меня в любую минуту.

Не могу умолчать о случае, который подтвердил это мое предположение. В ноябре месяце 1943 года, в районе Речицы, Гомельской области, после соединения партизанского отряда с частями Красной Армии, группа, состоящая из трех партизан (один из них Владимир Малашков проживает в Гомеле) и двух солдат, проникла в тыл врага, где мы выполнили ряд заданий, в том числе взяли в плен немецкого штабного офицера (подтверждаю документально), и это был один из тех, кто находился в свите генерала. Придя в себя, он подозвал меня и сказал, что моему рассказу у сарая он не поверил, промолчал лишь потому, что побоялся гнева генерала, это он повторил в штабе 908 ш 65 армии, куда мы его сдали. Молчание генерала мне

показалось вечностью, нелегко было бы и вам смотреть на эту немую сцену. Наконец генерал заговорил чуть срывающимся голосом: «Какое совпадение, молодой человек. Я жил на улице рядом с вашей, так что мы соседи, дело в том, что я тоже москвич, да, да, родился, вырос и стал офицером в Москве, а в 1917 году пришлось эмигрировать в Германию, – и он стал говорить о Москве, о своем доме, о том, как все это ему хочется видеть и как можно скорее. Я ждал, что вот-вот он задаст мне какой-нибудь вопрос и, чтобы не допустить этого, при первой возможности продолжил разговор, выразил твердую уверенность, что скоро Москва будет «освобождена» немецкими войсками, и мы будем дома, говорил, не останавливаясь, выразил предположение, что возможно наши родители знают друг друга (у него были живы мать и отец), но когда я сказал, что очень интересно будет встретиться в Москве, он остановил меня и в категорической форме заявил, что берет меня с собой, и доставит радость матери лично. Я сказал, что глубоко тронут таким вниманием и заботой, горячо благодарил его, про себя же думал, опять запоролся, переборщил. В голове возникал план за планом, как выпутаться из такого положения. Отказываться стал очень осторожно, сначала с радостью согласился, потом сказал, что нужно взять девушек, что он не мог сделать, потому что в легковых машинах мест не было, когда он сказал, что остановит любую машину и посадит их, я решил взять откровенностью, что не хочу обременять его, что генералу не раз еще придется помогать соседу, да и попрактиковаться надо. Немцев лечить мне не доверят, нет диплома, а на этих мне никто не запретит тренироваться и ставить любые опыты, вот только куда-то их перевезти, чтобы самим было не холодно. После некоторого колебания, он согласился со мной, видимо, не очень я ему был нужен, и оказал, что мое желание остаться с ранеными сопряжено с большим риском и неприятностями. На именном бланке написал распоряжение коменданту, в котором разрешил «доктору Гассу» перевезти русских раненых в ближайшую деревню. На таком же бланке написал свой берлинский и московский адрес. Записал и мой «московский адрес», имя, отчество матери и отца. Простившись и выразив надежду, что мы встретимся в Москве, генерал со свитой уехали.

После тяжелых окруженческих дней, мук, переживаний, эти минуты были особо радостными и счастливыми, мы со слезами на глазах обнимали и поздравляли друг друга с победой, строили планы эвакуации раненых в село, с удовлетворением наблюдали, как на искаженных от боли лицах раненых, появились улыбки. Все ждали с нетерпением наших дорогих кормилиц – тихоновских женщин, и когда они пришли, встретили их одним вопросом: есть ли в деревне помещение, где можно разместить раненых. Нам ответили, что есть просторная контора правления колхоза, но в ней, как и во всей деревне – немцы, вторая трудность, лошади в поле и их трудно поймать, и третья – в селе всего две телеги и те изломаны, запрягать не во что.

На остальных колхозники уехали – угнали скот на восток и не вернулись. Мне посоветовали посмотреть, нет ли армейских повозок на «корчевке»

недалеко от сарая, там был бой. На корчевке я нашел одну повозку, в которой было 2 санитарные сумки и несколько штук бинтов, которые я принес вам. Пошел утром следующего дня к коменданту, который находился в селе километрах в четырех от сарая. Комендант, положив ноги на стол, сидел в кресле, пил шнапс и играл пистолетом, когда я зашел в комнату, он несколько раз прицеливался в меня. Записку читал стоя, затем дал указание переводчику написать распоряжение перевезти раненых к какому-нибудь старосте. Я попросил его, чтобы написал тихоновскому старосте – Гаврилову. В это время комендант надумал угощать меня винами, дабы не прогневать «гостеприимного» хозяина, я пил и ел, не отказываясь. Я ему оставил «московский адрес» не упустив момента похвастать, что мы с генералом соседи и знакомые. В подтверждение показал ему бланк с адресами генерала, чем совершил непоправимую ошибку. Пригласил его в гости в Москву после ее освобождения. Предложение он принял и подарил мне пачку сигарет. Мы «тепло» простились, он, как кобель из подворотни, вскинув руку, крикнул «Хайль Гитлер». Я тоже поднял руку и сказал: «Хайль», а про себя добавил: «Да здравствует Сталин!»

На улицу вышел я с довольно приподнятым настроением. Делал это хмель и врученная мне записка, в которой разрешалось доктору Гассу перевезти раненых в деревню Тихоново, даже комендант казался не таким уж жестоким, ведь он невольно стал участником операции по спасению раненых. Мысли мои были прерваны появлением двух немецких солдат, которые пошли за мной. Какие только догадки не рождались в моей голове, только чего я не передумал за эти минуты, но в одном я был убежден, что, разыграв перед переводчиком и хозяйкой сцену гостеприимства, комендант приказал солдатам пристрелить меня. Как и всегда бывает в таких случаях, передо мной промелькнула вся моя короткая жизнь – небольшое сибирское село, смерть отца и сиротское детство, теплые руки больной матери, школьные годы, оконченная Ишимская фельдшерско-акушерская школа, и полученная специальность медицинского фельдшера, работа в Бугачинском ИТЛ Читинской области, служба в армии, первый бой между Оршей и Борисовом 3 июля 1941 года, выход из двух окружений, горечь отступлений, и, наконец, сарай с ранеными, которые меня ждут, ждут моей помощи.

Вернувшись к действительности, я увидел, что вышел из деревни, шагов солдат было не слышно, но сейчас они будут стрелять, но почему-то не стреляют. Обернувшись, я увидел спины солдат, уходящих в центр деревни, и как-то сразу весь обмяк, ноги налились свинцом. Я их не мог сдвинуть с места. Немного постояв, преодолевая слабость, я пошел в сторону Тихоново. По дороге я вспомнил все подробности визита к коменданту. Меня интересовало поведение переводчика, он не был безучастным, когда комендант целился в меня пистолетом, он смотрел с сочувствием, когда пил с фрицем – осуждающе, когда уходил – чуть заметно улыбнулся и качнул головой. Я не мог знать, кто он, но был убежден, что это хороший человек и не ошибся. Староста деревни

Тихоново Алексей Гаврилов принял меня неприязненно, даже больше, настороженно и с пренебрежением. В этом, собственно, я сам виноват, видя в нем немецкого холуя, я подал ему записку коменданта и в официальной форме сообщил, что немецкое командование приказывает ему перевезти раненых в здание правления, и потребовал немедленно транспорт и людей для перевозки, притом от меня разило вином. Видно, не совпадали мое поведение и характеристика, которую дали ему на меня девчата. При дальнейшем разговоре отношения наши улучшились, а когда я рассказал о встрече с генералом, он даже прослезился, но все же упрекнул – зачем опоганился, то ли отказаться не мог, пьешь всякую гадость.

Мы разработали план перевозки раненых в деревню, распределили обязанности. Гаврилов отремонтирует телеги, достанет сбруи и лошадей, подготовит контору для приема раненых, перевозить раненых должны мы. Я привезу повозку с корчевки. Пока мы беседовали, его жена по моей просьбе сделала нарукавную санитарную повязку (на белом материале с красным крестом) и приготовила увесистый кузовок с продуктами – подарок раненым.

Выйдя на бугор, я увидел, что у сарая новая группа военнопленных, я понял, какая угроза нависла над вами, из головы вылетел последний хмель, я побежал. Немцы остановили меня, один из них вырвал у меня кузовок и стволом винтовки толкнул меня в группу военнопленных. Вы были в сарае, два немца приставали к вам, вы, как могли, оборонялись, я бросился искать старшего, у костра сидел унтер-офицер. Я подошел к нему, но он жестом руки приказал не подходить, заорал и полез за пистолетом и только тогда, когда показал повязку на руке, он разрешил приблизиться. Прочитав распоряжение коменданта, он заулыбался и спросил, что я буду делать с ранеными. Я ответил, что буду изучать инфекционные болезни. Дорога была каждая минута, надо было отогнать от вас немцев, пока они не утащили вас за сарай, а унтер все болтал, спрашивал, какие болезни буду испытывать, и когда я наряду с другими болезнями назвал сибирскую язву, фрица передернуло. «О, это очень страшно и опасно, но язва только в Сибири». Я ответил, что она пришла сюда, он сморщился и начал тереть озябшие руки, как будто хотел убрать о них сибиреязвенных микробов. Наконец, я сумел обратить внимание его на немцев, лезущих к вам, и сказал, что вы будете работать со мной, и за вашу сохранность я несу ответственность перед немецким командованием, и добавил, что одна из вас моя жена, вторая сестра и попросил, чтобы солдаты не лезли к вам. Озверевшие солдаты выкручивали вам руки и тащили из сарая. Унтер назвал их по именам Фриц и Ганс, и раза четыре сказал, чтобы они отпустили вас, и бросили вас только тогда, когда он выхватил парабеллум, пошли к нему, наступая на раненых, козырнули ему и вытянулись. Видимо, ради формы он сделал им внушение и приказал поднимать пленных и строить. Среди пленных было много ослабевших, которые без помощи не могли подняться, конвоиры били их сапогами, прикладами, двоих пристрелили. Пленных повели в сторону Вязьмы. Я подошел к вам, вы плакали и нервно

дрожали. Успокаивая вас, я думал, когда же кончатся эти муки и издевательства, а они только начинались. Проведенные дни в сарае были сплошным адом. Дело осложнялось еще тем, что ты, Клара, по национальности еврейка, и как ни старалась ты не показываться, вновь появившиеся немцы показывали на тебя пальцем и спрашивали «иуда»? Снова и снова убеждения, что ты моя сестра и спасательная записка генерала. Не меньшие муки перенесли и тихоновские женщины и девушки. Несмотря на то, что отдельные из них уже пострадали в пути, количество приносивших пищу с каждым разом увеличивалось. Я смотрел, с какой любовью, душевностью они кормят раненых, с какой нежностью гладят их волосы и обросшие лица, и думал о каждой, какая ты волевая, бесстрашная смелая русская женщина-героиня. Ведь идя сюда, каждая из них знала, что может быть не только обещена, но и погибнуть. Знала, но шла, чтобы накормить, спасти от смерти чужого, совсем незнакомого, но родного человека – защитника Родины!

После ухода пленных я сообщил вам, что получил распоряжение коменданта на эвакуацию раненых, что договорился со старостой о порядке их перевозки, дело только за тем, когда немцы уедут и освободят контору.

Не успела скрыться уведенная группа военнопленных к догорающим кострам, поставив танки на обочине, устремились немецкие танкисты и опять же приставали к вам. Допросы и вопросы, и опять же спасательная записка генерала. К вечеру вновь подогнали группу военнопленных. Немцы конвоиры, сопровождавшие эту партию, были особо жестоки. Подход к сараю сопровождался «музыкой» выстрелов, только на 25 метрах от шоссе осталось три трупа. Пленных согнали в кучу и заставили стать на колени, один из конвоиров на ломаном русском языке сказал, что кто встанет, будет убит, хоть все. Всю эту картину мы наблюдали из сарая и не выходили. Минутные организационные мероприятия немцев нам показались вечностью. Таких жестоких конвоиров еще не было. Наконец, двое немцев зашли в сарай. Я к ним встал навстречу, и опять расспросы и объяснения. В это время несколько военнопленных разобрали оставшуюся часть крыши сарая, гнилая солома, палки валились на раненых. Другие разжигали костры.

Несмотря на бдительность охранников, нескольким военнопленным удалось сбежать, немцы открыли огонь по убегающим, но догонять их не стали. С рассветом пленных увели, количество мертвых тел у сарая увеличилось. Так текли часы и дни, полные тревог, опасностей и переживаний, но немецкая воинская часть, расквартированная в деревне Тихоново, не уходила, помещение конторы оставалось занятым. За жизнь раненых приходилось бороться в невероятно тяжелых условиях. Мы сняли шинели с мертвых, каждого раненого укутали 3-4 шинелями, но они продолжали лежать на мерзлой земле, на сквозняке в сарае без крыши. Нет перевязочного материала, медикаментов, в местах ранений усиливаются воспалительные процессы, у многих раненых появилось воспаление легких, острые бронхиты,

ангины и другие простудные заболевания. Одно, в какой-то степени, облегчало страдания раненых, это регулярно приносимая пища тихоновцами. С чувством глубокой гордости и восхищения я вспоминаю как стойко и мужественно держались эти обреченные люди, находясь на грани жизни и смерти, героически, без мольбы о помощи, криков отчаяния, даже жалоб, переносили эти адские мучения. Так могли поступать только советские люди, которые знали, за что отдают свою жизнь. Седьмой день мы встречали с большим беспокойством и тревогой, не пришли утром наши кормилицы, что произошло? Что им не позволило это сделать? Наши переживания кончились радостью. Где-то в 11 часу утра девчата приехали на двух подводах и сообщили, что контора к приему раненых подготовлена, будем их перевозить. Пока кормили и грузили раненых (по 3-4 человека на повозку), мы (Настя Варфоломеева и я) сходили на «корчевку», запрягли лошадь в тачанку, привезли к сараю и загрузили ее ранеными. Определилось, что я с девчатами вожу раненых, Лида отправляет из сарая, а ты принимаешь их в госпитале, поэтому первый рейс мы сопровождали раненых вместе. Вспомни, Клара, какой это был страшный рейс. По тракту, по проселочным дорогам немецкие войска двигались непрерывной вереницей, танки, артиллерия, обозы, машины с солдатами, мотоциклы, мы могли ехать только обочиной. Нас несколько раз останавливали, допрашивали, оскорбляли, наносили удары, по-разному немцы проявляли свою ненависть и презрение к раненым, плевали на них, били прикладами, наводили на них автоматы и винтовки, но никто не выстрелил. Нелегким было положение сопровождающих девушек. Немцы хватали их, обнимали, лапали, где попало. Но особо трудным было твое положение. Ты не могла из-за ранения идти, но садиться отказывалась, так как видела, что заморенные лошади еле-еле тянули повозки.

И все тот же страшный вопрос «иуда»? Но все же до деревни Тихоново мы добрались, в конторе был староста Алексей Гаврилов и несколько женщин. Стены конторы были побелены, на вымытый пол послана солома и застелена полами и долгожданное тепло, а самое главное сердечная теплота тихоновских женщин, которые бережно снимали раненых с повозок, бережно переносили их в комнату и укладывали друг около друга.

После разгрузки женщины ушли, раненых накормили и напоили горячим чаем. Согревшись, почти все привезенные уснули. Покормив лошадей, я с девчатами поехал за второй партией раненых. Ты осталась делать перевязки. До сарая мы доехали удачно, но там было много немцев и нас не подпустили, даже сделали несколько выстрелов. Снова переговоры, снова допросы. Я спешил узнать, что с Лидой. Она была в сарае, лежала в уголке, накрывшись шинелью, немцы ее не видели. В этот день мы перевезли немногим больше половины раненых, брали более тяжелых, каждый раз повторялась встреча с немцами, как и в первом рейсе. Последний был более трудный. Истощенные лошади устали, падали в оглоблях. К вечеру усилился мороз. Не говоря уже о раненых, мы с Лидой окоченели. Раненых разгрузили,

также встретили, помыли, накормили и нас. Лошадей, которые еле передвигали ноги, увели кормить дядя Алексей и Володя с покалеченной рукой (почему-то его звали коммунистом). Наконец, первый раз за столько мучительных дней боев и метаний в окружении, пребывания в сарае, вы остались ночевать в теплом помещении, какая для вас это радость. Я же должен был провести эту последнюю ночь в сарае с ранеными, поэтому с женщинами, которые пошли кормить оставшихся раненых, ушел и я. Около сарая было пусто, поэтому покормили раненых спокойно, никто не мешал. Но вот ночь-то не спали ни я, ни оставшиеся раненые. Они меня расспрашивали, какая деревня, как выглядит госпиталь, как приняли раненых. Я рассказывал, начались воспоминания, у каждого свои особые, когда разобьем немцев, как вернемся домой, кто чем займется. Ночь была морозной, но кажется мне, что она была самой теплой из всех проведенных в сарае, сбылась фантастическая мечта быть спасенными. Как я узнал позднее, не спали в ту ночь ни вы и ни раненые, уж очень невероятное случилось. На следующее утро с рассветом приехали девушки, и эвакуация продолжалась, в этот день движение немецких войск на восток было менее активным, поэтому к вечеру вывозка раненых, без каких-то особых происшествий, была закончена.

В углу сарая ранее мы сложили в штабель умерших от ран и голода, туда же мы с девушками перенесли и сложили всех убитых и умерших пленных у сарая, накрыли штабель шинелями. Мне до сих пор тяжело осознавать, что я оставил их не погребенными, не отдал им воинского долга, а рядом около дороги лежат с почестями похороненные в нашей земле ненавистные чужеземцы – захватчики, факт, но мы с девушками ничего не могли сделать.

Деревня Тихоново расположена в 18 км. от г. Вязьмы Смоленской области, до войны в ней был хороший колхоз в конторе его правления и разместился наш госпиталь, жизнь в котором, как-то сразу вошла в свою колею. Староста Гаврилов разбил деревню на тройки, т. е. каждые три семьи по очереди должны кормить день весь госпиталь, пущен на питание засыпанный колхозный картофель и, наконец, в поле без присмотра паслось несколько колхозных лошадей, которых Володя инвалид (коммунист) колол и мясо шло на питание раненым. Мы видели, что каждый житель, чей черед был кормить раненых, отдавал последнее, старался приготовить, как можно лучше. Шло какое-то негласное соревнование сделать раненым удовольствие, чем-то порадовать их. Но и появились новые трудности и опасности. Деревня Тихоново находится в 50-метрах от тракта Москва-Смоленск, через него беспрерывно двигаются немцы, которым нечего не стоит бросить, узнав, что раненые, в дом гранату или просто перестрелять, поэтому у нас возникла мысль написать на госпитале, что он инфекционный, но кто это сделает? Этой мыслью я поделился с дядей Алексеем, но он сказал, что в селе нет ни одного человека, который бы мог написать вывеску на чистом немецком языке, но вообще-то такой человек есть – это переводчик коменданта. Он наш, много помогает, в том числе и помог и вам, вывеску он сделает. Я написал текст

вывески такого содержания «Экспериментальный инфекционный госпиталь русских военнопленных». «Вход немецким офицерам и солдатам запрещен категорически». Вывеска была написана и повешена. Надо сказать, что это сыграло очень важную роль. За все существование госпиталя вплоть до его разгрома к нам ни один немец не зашел. В госпитале сложился лечебный и обслуживающий персонал, ты и Лида исполняли обязанности медсестер, обслуживали раненых, девушки, которые принимали активное участие в снабжении питанием в сарае, в их перевозке Шура Петрова (Зайцева), Анастасия Варфоломеева, Мария Егорова, Мария Ломатенкова, Надя Тихонова (Козлова) и другие. Связной между мной и Гавриловым была его дочь Аня. Они стирали белье, бинты, одежду раненых, ухаживали за ранеными, кормили их. Но лечить раненых было нечем, абсолютно никаких лекарств, оборудования и хирургических инструментов не было, искать медикаменты мы ездили с Марусей Егоровой, вернулись с несколькими индивидуальными пакетами, которые взяли у убитых. И только на пятый день существования госпиталя ночью к нам пришел связной от окруженцев – начинающих партизан, и сообщил нам место, где разбит наш медсанбат. Кроме чего, он принес немного медикаментов, – сульфидину, стрептоциду, жаропонижающих, которые немедленно были назначены больным. За инструментами и медикаментами мы ездили с Шурой Петровой, разыскали аптеку разбитого медсанбата, набрали всевозможных лекарств, порошков, пилюль, таблеток, растворов, мазей, перевязочного материала, полный набор необходимых хирургических инструментов, халатов, простыней и др. Но эта поездка для меня и Щуры чуть не кончилась трагически. При возвращении нас остановили пьяные немцы и зачали выпрягать лошадей, выбрасывать медикаменты из повозки. Мы не давали выпрягать лошадей, тогда офицер выстрелил, но почему-то ни в меня, ни в Шуру пуля не попала. С большим трудом нам удалось довести до толку, что везем по распоряжению генерала, только тогда они отстали.

Наличие различных медикаментов и инструментов позволило организовать квалифицированное лечение раненых и даже производить несложные операции. Раненые стали быстро поправляться, улучшилось состояние тяжелобольных. Плохо было одно, что нельзя было их помыть, но и этот вопрос был решен. Наши замечательные санитарочки при смене белья обтирали их мокрыми полотенцами и насухо вытирали другими.

Неплохое питание, лечение и уход сделало чудо. Из 60 человек, находившихся на грани смерти, а отдельные были при нашем приходе в бессознательном состоянии, выжило 59. Умер только один техник-лейтенант от столбняка, жизнь которого при всех условиях, в то время спасти не мог никто. Это была замечательная победа, одержанная нами, ранеными, всеми жителями деревни Тихоново, которые боролись за жизнь. На ноги поднялся первый раненый, за ним второй, третий... Немного окрепнув, они уходили из госпиталя искать партизан на соединение с Красной Армией или домой, у кого

родные остались на оккупированной территории. Тихоновцы переодевали их в гражданскую одежду, снабжали на дорогу продуктами. Наш подпольный госпиталь просуществовал более месяца. За это время выздоровело и ушло из госпиталя около 15 человек, где-то 15-20 человек были близки к выздоровлению, остальные же нуждались в длительном стационарном лечении, в том числе 7 человек, потерявшие по одной-две конечности. Вылечилась и ты, Клара. Мы, конечно, понимали, что рано или поздно немцы узнают, что у нас раненые не умирают, а вылечивается, но надеялись, что это будет позднее. Да и комендант неоднократно спрашивал Гаврилова о госпитале, тот отвечал, что дает людям копать могилы, когда скопится 3-4 человека, что раненые умирают. И вот наша маленькая связная Аня, дочь старосты Гаврилова, принесла от него страшное известие, раненых увозят, все, кто в состоянии, пусть уходят. Кто мог двигаться, простились и ушли. Оделись и вы, у тебя было легонькое осеннее пальтишко, поэтому я набросил на тебя свою бурку, но, узнав, что я остаюсь с ранеными, вы заявили, что тоже будете с ними делить все невзгоды, только настойчивые требования раненых и мой настойчивый приказ заставил вас уйти.

Я открыл дверь, и мы смотрели на ваши удаляющиеся фигурки. Вы пошли в сторону Смоленска, где жили твои родственники. Я нервничал и терялся в догадках, или кто нас предал, сообщив, что раненые выздоравливают и уходят, или догадался комендант сам, или просто немецкое командование концентрирует раненых в одно место.

Об этом шел разговор и среди раненых, каждый высказал свое предположение, но до сих пор это осталось тайной. Говорили и о том, что нас ждет впереди, оптимисты ждали хороший госпиталь, другие говорили, что к «черту в пекло». Но не было такого раненого, чтобы в его глазах можно было прочесть страх, отчаяние, мольбу о помощи, все держались стойко, хотя неизвестное было страшным: ведь приедут враги, которые обрекли их на голодную смерть.

Немцы приехали после обеда, что-то кричали, хватали раненых, выносили из дома без носилок, хотя они были, и бросали раненых в повозки. Я наблюдал за этим бесчеловечным отношением к больным людям. Сжав зубы, я понимал, что мне надо вытерпеть, не разоблачить себя, но не вытерпел. Ты помнишь, Клара, в самом центре комнаты лежал молоденький грузин с раздробленными костями голени, мы с большим трудом добились, что нога стала срастаться, немцы бросили его на повозку, нога переломилась и повисла. Я бросился к нему, закричав, что они не имеют права так обращаться с ранеными, комендант этого и ждал, подскочил ко мне, ударил парабеллумом по лицу, у меня хрустнули зубы и запрыгали в глазах огоньки, из носа и рта пошла кровь. Стал ругаться, назвал меня большевиком, обвинял, что я лечил и отпускал раненых, что обманул генерала и его, коменданта. Потребовал документы, которые мне дал генерал, и, не дожидаясь, полез ко мне во внутренний карман пиджака, откуда вместе с адресом генерала вытащил свое

распоряжение о перевозке раненых и совсем рассвирепел, нанес еще несколько ударов, солдаты толкнули меня в повозку с ранеными. Группу раненых, с которой ехал я повезли в сторону г. Вязьмы, вторую группу в другую сторону, как я узнал позднее, в село Лопатино. Судьба этих раненых мне не известна. Так закончился героический подвиг жителей д. Тихоново – подвиг простых, но замечательных русских людей, которых, как многих советских людей находящихся на оккупированной земле, не обошла трагедия – деревня была сожжена, многие жители угнаны в Германию, многие погибли.

Коротко о наших боевых друзьях. Бывший староста Алексей Гаврилов вскоре ушел в партизаны, воевал на фронте, удостоен правительственных наград, умер в 1968 году. В г. Вязьме проживает Ворфоломеева Анастасия Сергеевна – улица Карла Маркса, д. 10, кв. 2, Зайцева Александра Павловна, ул.Ползунова, 17. В деревне Тихоново Относковского сельсовета Вяземского района:

1. Егорова Дарья Алексеевна.
2. Ломатенкова Мария.
3. Гаврилова Анна Алексеевна.

Это те, кто кормил и спасал раненных. В Иркутской области, Чунский район, пос. Октябрьский, дом 32 – проживает Надежда Васильевна Тихонова и, наконец, Клавдия Георгиевна Чернявская (Фонечкина) проживает в Псковской области, станция Столобовая, ул. Большая, 30. Все они желают тебя найти и встретиться с тобой! Где ты Клара? Отзовись!

Несколько слов о дальнейших событиях. Группу раненых, с которыми ехал я, привезли в Вяземский лагерь военнопленных, который находился на территории нынешнего мясокомбината. Несмотря на вечернее время, в ограде было много народу. Я ехал на задней подводе. Когда заехали на середину ограды, немец-ездовой толчком ноги в спину столкнул меня с повозки. Я упал на мерзлую землю, ушиб колени и руки, но все же поднялся и, проклиная немца, пошел за повозкой раненых, но стоящие рядом пленные остановили меня, сказав, что туда, куда повезли раненных – во вторую зону, идти нельзя, оттуда никто не возвращается, и не пустили меня. С первых часов пребывания в лагере я стал думать о побеге. Но утро принесло разочарование. Вся территория лагеря огорожена и обтянута колючей проволокой, кругом сторожевые вышки, на которых установлены пулеметы. Ворота охраняются большой группой немецких солдат с собаками, все входящие и выходящие из лагеря проверялись. Часов в 11 утра в двух походных кухнях привезли «обед». Сотни истощенных, еле стоящих на ногах, умирающих с голоду людей встали в очередь, никто не пытался получить порцию без очереди. Найдя консервную банку, встал в очередь и я. Многие не могли стоять, садились на снег, двигались за очередью ползком, отдельные, упав, уже не могли подняться. Где-то через три часа повар влил в мою банку полулитровый черпак какой-то мутной жидкости, в которой я обнаружил две нечищенные картофелины с голубиное яйцо каждая. Суп был не соленым, пах гнилью и землей. Как ни

голодным был я, но съесть его не мог, отдал рядом стоящему пленному, который с жадностью его выпил.

Когда уехала кухня, на машине привезли «второе», грязную мороженную кормовую свеклу. Каждый пленный имел право взять только одну штуку. Тогда, кто брал два или больше, настигала плеть верзилы-полицейского, который бил «провинившегося» до тех пор, пока он не бросит всю взятую свеклу. На конце петли был прикреплен металлический предмет, который рассекал лица пленных, пробивал шинели, валил их на землю. Некоторое время я наблюдал за «работой» предателя, а он посматривал на меня, улучив нужный момент, когда он отвернулся, я подскочил к нему, вырвал плеть, и бросился в гущу военнопленных. Они сомкнули кольцо, и полицейский меня не догнал.

Изучив порядок прохода через ворота, побег я совершил на третий день. Надел на руку повязку, взял под руку молодого, раненого в голову, ослабевшего паренька, и присоединился к группе выходивших военнопленных, из ворот вышли беспрепятственно и стали отставать. Конвоир хотел загнать нас в группу, но, увидав мою повязку, ушел. Пленный был настолько слабым, что я с трудом перевел его через улицу и посадил у дома, помогли две мимо проходивших женщины. Я им рассказал о побеге, они взяли, и безоговорочно увели паренька, а я сразу ушел в Тихоново, где отдохнул у Гаврилова три дня, сходил к тайнику, который был у сарая в березе, но записки от окруженцев не было, и поэтому, забрав диплом об окончании медицинского техникума и комсомольский билет, которые хранились у Гавриловых, пошел на соединение с Красной Армией, удачно добрался до Сычевки, но там меня схватили немцы и опять же в Вяземский лагерь привезли. Принимал пленных тот полицейский, у которого я отбирал плеть. Он сообщил коменданту, что я был в лагере, меня избили и бросили в небольшую комнату, где уже сидело пять человек, которые сказали, что завтра всех нас будут казнить. У меня был небольшой запас продуктов, мы разделили его, поели последний раз в жизни. По очереди рассказывали про себя, все держались, не хныкали, не слюнявили. Решили перед казнью спеть песню о гибели «Варяга». Где-то в 2-3 часа ночи в двери кто-то постучался, затем открылась дверь, и шепотом скомандовали, чтобы мы быстро выходили. От неожиданности у меня отказались двигаться ноги, и камеру смерти я покидал ползком. Меня повел один из пленных, который сказал, что он знает о моем побеге, и попросил рассказать, как мне это удалось. Я рассказал все откровенно. Он увел меня в первый корпус, что у ворот, на второй этаж и велел быть на этом месте утром. С рассветом пленных стали выгонять из бараков и строить, говорили, что, если не выдадут убежавших арестованных, будут расстреливать десятого, но и не построили и половины, как дали команду убирать умерших, наводить порядок на территории, затем накормили более путевой баландой, видимо кто-то должен приехать, но никто не приезжал. После того, как построение было прекращено, я пришел на условное место, вскоре пришел товарищ, который проводил меня

в барак, мы с ним отошли в сторонку и сели, он еще раз попросил подробно рассказать о побеге, а затем сказал, что подпольной организации лагеря нужно выполнить одну важную операцию и убедительно попросил меня отдать повязку. Я растерялся – отдать повязку, значит лишиться побега и погибнуть, не знаю, сколько я, ошеломленный этой просьбой, молчал, но, придя в себя, повязку отдал. Товарищ пошел, но вдруг остановился и позвал меня. Спустившись, мы подошли к трем сидящим товарищам, его спросили, отдал ли я повязку. Он ответил, что безоговорочно. И подал ее им. Из разговора я понял, что кому-то надо устроить побег, предлагали это сделать одному, затем второму, в общем, перебрали всех, каждый боялся «провалить дело» так как был абсолютно не осведомлен в медицине. Они спросили кто я такой, посмотрев комсомольский билет и диплом фельдшера, предложили мне из лагеря вывести одного товарища. Я согласился, но сказал, что ж у меня опасностей не меньше, может увидеть комендант, полицай, и, наконец, солдаты, при которых меня снимали с машины и направляли в камеру. Поэтому нужно все хорошо изучить, провести тщательно подготовку к побегу. На подготовку ушло три дня, участвовало в ней не менее десяти человек. В Вязьме нет никаких данных о том, что в лагере военнопленных была создана подпольная группа, но она была и действовала. Выйти из ворот мы должны были в период обеда. Со спутником меня познакомили где-то за час до ухода. Это был человек среднего роста, лет тридцати пяти-сорока, хотя и истощенный, но хорошо державшийся на ногах. Понятно, что была причина для волнения, но он был абсолютно спокоен. Одет он был в гражданскую одежду, ему забинтовали голову и повесили на повязку левую руку. На меня надели другое пальто и шапку. Мы пристроились к подходящей к воротам группе пленных, но охранник задержал колонну и заспорил с конвоиром, нам казалось, что он будет держать пленных бесконечно, но чрез 2-3 минуты, сказав «шнелль», начал толкать их в спины. Нас же он задержал и спросил меня, куда веду раненого. Я с удивленным лицом (как будто, почему он не знает) ответил: «Как, куда? В Лютскую больницу». Такие ответы мы слышали не раз, и после них пропускали. Пропустил и нас. Я оглянулся, но ворота закрыла подошедшая колонна и своих спасителей не увидел, но верю, что кого-то увижу. Прочитав эту статью, кто-то из них обязательно откликнется. Мы перешли улицу и простились с товарищем за тем же желтым домом, где я расстался с первым выведенным из лагеря пленным. Говорить было некогда, поблагодарив меня, товарищ попросил меня назвать адрес и фамилию. Я повторил дважды, он пожал мне руку, заявив, что после войны мы встретимся – ушел. Я же не знал куда идти.

Немцы убеждали пленных, что Москва взята и громятся последние остатки советских войск. Но среди пленных шел настойчивый слух, что немцы отступают, и скоро будет освобождена Вязьма. Конечно, я верил только последнему, но где фронт, куда идти? Чтобы хоть немножко изучить обстановку, я пошел в бараки с ранеными – филиал Лютовской больницы,

кажется, возглавлял ее врач Филимонов. Встретившиеся медицинские сестры и фельдшера приняли меня хорошо, даже отвели место для ночлега. Там я точно узнал, что немецкие войска под Москвой разгромлены и наши войска перешли в наступление, какая это была радость. Через три дня мне пришлось из больницы уйти, т. к. о моем присутствии узнал немец-шеф и мне опять грозил концлагерь. Я вновь пошел в Тихоново, по пути заглянул в тайник, но он был пуст. После двухдневного отдыха у Гавриловых (дяди Алексея уже не было, и не знали, где он) я узнал, что двое мужчин едут в сторону г. Кирова (Песочная), сначала с ними, а затем пешком, добрался до деревни Бережки, после кратковременного пребывания там у гр-на Новикова Ивана Артемьевича, оказав некоторую медицинскую помощь населению 10 января 1942 года я встретился с Красной Армией и стал продолжать службу.

Заканчивая рассказ, прошу очень отозваться тех, кто знает что-то о Кларе, всех раненых нашего госпиталя, подпольщиков и узников вяземского концлагеря, медиков Лютовской больницы, всех тех, кто имеет отношение к этому рассказу. В период войны я выполнял спецзадание в тылу врага, многие боевые друзья найдены, встречаемся, но о многих ничего не знаем, поэтому очень прошу откликнуться десантников и партизан опергруппы НКГБ БССР «Бывалые» и «Вихрь».

С уважением Александр Петрович Тетцов (Крылов)
Секретарь парткома совхоза «Новолоктинский» Ишимского района
Тюменской области.
15.02.1975 г.

Статью, которую Александр Тетцов написал 15 февраля 1975 года в «Правде» так и не опубликовали. Клара, проживающая в Смоленске, так и не отозвалась.

Фото 2. Тетцов Александр, 18 лет (из семейного архива)

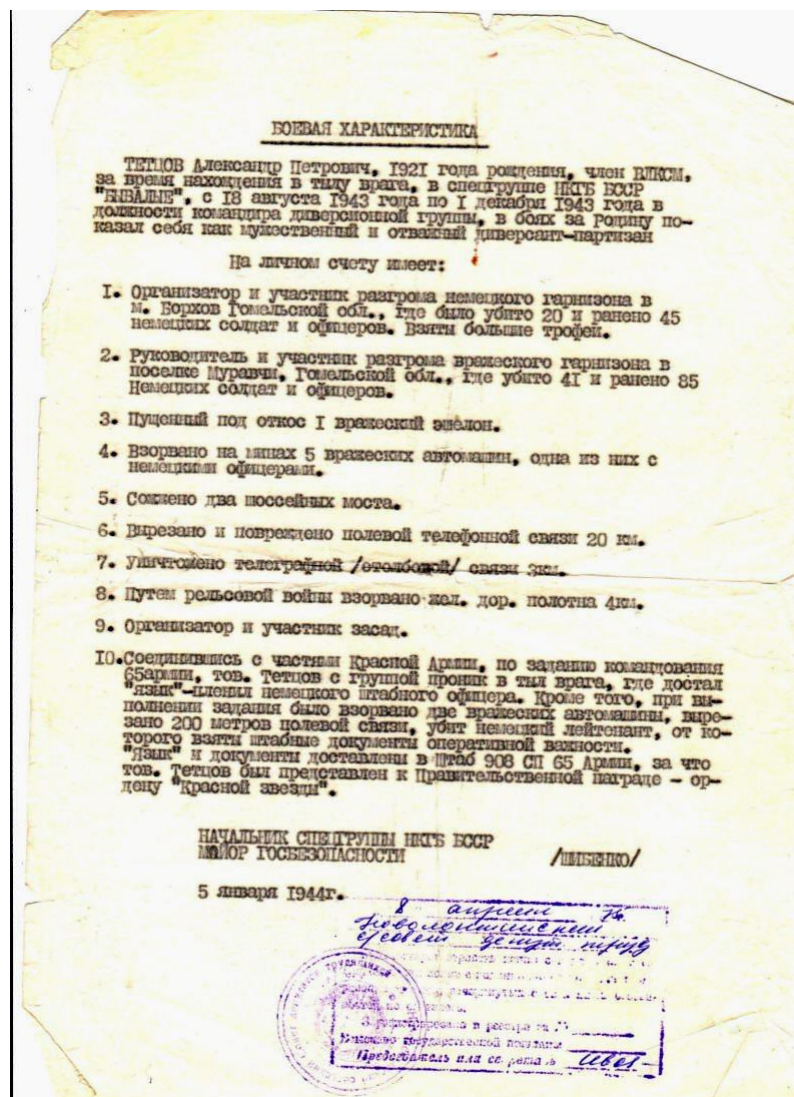

Фото 3. Боевая характеристика А. П. Тетцова (из семейного архива).

Здесь специально привожу повествование Александра Петровича в полном объёме, чтоб можно было прочувствовать всю атмосферу того страшного времени, в которую он попал молодым пареньком. Не испугался, проявил все свои профессиональные качества медика, человека, гражданина. Воспоминания потрясающие!!!! Вон на таком материале надо изучать историю своей страны, своего народа! Конечно же скупые даты и цифровые сообщения тоже нужны, но в большей всё же степени вот такие точные и тёплые воспоминания и документальные подтверждения тех лет, написанные самими "героями" и близкими им людьми. Это наша русская душа, наша сущность. Мы никогда не будем другими! Жаль очень, что не все воспоминания записаны на бумагу (пленные врачи и просто пленные, действительно тогда презирались, как показало время очень зря!), а поэтому и не могут быть прочитаны ныне.

Получается, что очень многое мы упустили..., не успели. Мы собираем материал преимущественно, касающейся Вяземской трагедии..., а сколько было "таких вязьм" по всей территории, занимаемой немцами??! Просто страшно подумать... и там свои герои, свои события..., трагедии. Это не забыть уже никогда, нашему поколению уж точно!

Из личного архива Александра Тетцова

«Согласно приказа по части от 22.06.1944 г. за № 18/3 командир диверсионной роты спецгруппы НКГБ БССР Александр Петрович Тетцов за умелое руководство ротой, за храбрость и отвагу, проявленные 21 июня 1944 года в тылу врага, награжден личным оружием за № 164166. Руководитель спецгруппы НКГБ БССР старший лейтенант госбезопасности Владимирова».

Удостоверение

«Предъявитель сего товарищ Тетцов Александр Петрович действительно состоит на службе в Народном комиссариате государственной безопасности Белорусской ССР. Действительно до 25 августа 1944 года. Заместитель начальника БССР майор государственной безопасности Шибко. 10 июля 1944 года, г. Минск».

На каждое 9 мая, Александр Петрович после сельского парада, шёл в свой пчельник (он занимался пчёлами) и оставался с ними наедине, потому что каждый улей был подписан другом-ветераном... улей «С.Г.» – Сергей Громов, улей «С.Б.» – Сергей Будницкий (погиб при взятии п. Муравчий. Белоруссия), и др., он с ними вспоминал-поминал....

Слов нет..., нереально патриотично даже с высоты сегодняшних дней! Читаю вот такие материалы-воспоминания и ловлю себя на мысли: как духовны и сильны были соотечественники того времени! Не то, что нынешнее племя... Если надо было защищать Родину, не возникало никаких мыслей абсолютно, чтобы как-то избежать этой гражданской ответственности... Попал в плен, пришлось на себя «примерить» все тяготы и лишения, смог бежать (просто немыслимо, чего это стоило!!) и опять Родину защищать!!! Везучие люди бывают во все времена... Но как же, думаю, в послевоенное время нелегко было отправляться назад в воспоминания о ВОЙНЕ таким ГЕРОЯМ! Все, кто прошёл ту войну, ВСЕ ГЕРОИ!!! Особенно сейчас приходит это понимание, когда сами серьёзно повзрослели, да и когда на когда-то братской Украине, творится сейчас такой УЖАС!! Наверное, всё же и потому, что НЕ ЗАСЛУЖЕННО ЗАБЫТЫ НАШИ ВЕТЕРАНЫ..., вспоминать об их существовании дважды в год (на День Победы и 22 июня) – это возмутительно мало! Обидно, что не в наших силах пробить эту броню беспамятства, да и ветераны «уходят» безвозвратно., а живут в каких условиях??! Это ОНИ

человеком в коллективе и душой любой компании. Лучше его никто не умел произносить зажигательных речей не только в Новолоктях – в районе! Умел организовать, убедить, повести за собой. Всегда занимал активную жизненную позицию. Любил свой край – Приишимские просторы. У него была хорошая семья: жена Степанида Кирилловна, учительница начальных классов, четверо детей. О войне немного рассказывал – только эпизоды. Зато о том, как он воевал на фронте, написана повесть тюменского журналиста Александра Черняева.

Сам Александр Петрович писал в Президиум Верховного совета СССР заявление, чтоб признать жителей деревни Тихоново Смоленской области, участниками Великой Отечественной, с которыми он спасал и лечил раненых солдат в октябре 1941 года. ПЕРЕВОД!!

В президиум Верховного
Совета СССР.
от Житцова Александра
Петровича, участника
Отечественной войны, ветерана
партизанского движения
и - Пономаревский Иосиф Иосифович
р-н Тюменская область.
Заявление №1
Прошу рассмотреть мое заявление
в нижеследующем:
В октябре 1941 года
жителями деревни Тихоново
Остосовского сельского совета
Вяземского района, Смоленской
области в течение нескольких
дней кормили раненых бойцов
и командиров в Красной армии
которые находились в полевом
сараях и были обречены на гибель
из-за голодной смерти,
а затем привезли в деревню
в контору совхоза Тихоново
где лечили раненых и ухаживали
за ними. 15 раненых
выздоровели и ушли к парти-
занам и на соединение с Крас-
ной армией.
Своими действиями они способ-
ствовали укреплению Красной
армии и проявили при этом
свабоду и мужество
Поэтому прошу Президиум

Верховного совета СССР тогда-
рании

и других товарищей принимавших
активное участие в опаснейших
районах, когда выдвинули проект
признать численность войск
Великой Отечественной
войны с правом Нацмена
знака 25 лет Победы над Германией.
С просьбой А. Тетцова.

Тетцов, рассказ "Тучи клар",
отзывы? написанные для музея
с целью рассказа клару и других
бесных друзей, в котором
описаны события в Тихоновце.

С пожеланием А. Тетцова

Фото 5. Письмо Тетцова А.П. в Президиум ВС СССР (из семейного архива)

Фото 6. Статья в областной газете «Тюменская правда», сентябрь 1963 г. (из семейного архива)

К перрону празднично убранного вокзала станции Гомель подходит поезд, группа пожилых людей устремляется к вагону № 7. Встречающие внимательно всматриваются в лица выходящих пассажиров. Да, узнать трудно: не виделись четверть века, но все же узнали, все кричат: «Вот он — наш Сашка!» — «Друзья!», — прозвучало им в ответ. Крепкие рукопожатия, объятия, поцелуи, слезы. Встретились боевые друзья огненных лет войны — ветераны Гомельского подполья в период гитлеровской оккупации Белоруссии.

В этот юбилейный день вся белорусская земля встречала свое 50-летие, к этой знаменательной дате приехал бывший командир разведывательной группы специального отряда Комитета Государственной безопасности Белоруссии, секретарь парткома совхоза «Новолоктинский» Тюменской области, Александр Петрович Тетцов. Среди встречающих находились: бывший командир-разведчик спецотряда, руководитель Гомельского подполья Шибек Николай Исаакович, руководители подпольных групп Бекоревич София Сергеевна, Турцевич Всеволод Николаевич, Орлов Петр Афанасьевич, Кулик Григорий Софронович, Тулупов Иван Савельевич, Малашкова-Шибек Клавдия Григорьевна, подпольщики — Ковалева Анна Алексеевна, Малахов Николай Григорьевич, Малашков Владимир Григорьевич и другие.

Встреча была радостной и бурной. Дело в том, что о Тетцове А. П. не было ничего известно с конца 1944 года, и он объявился только в октябре 1968 года. Для нас, его боевых друзей, это было радостным событием.

Гомельское подполье вело большую работу в тылу немецких оккупационных войск. Специальная группа разведчиков, заброшенная самолетами в глубокий тыл немецких оккупацион-

ных властей, руководимая опытным советским разведчиком «Бывалым», «Шустрым» — Николаем Исааковичем Шибек, разгадывала военные планы гитлеровцев, вела большую разведывательную работу в логове оккупационных властей, выявляла и уничтожала шпионов,

военную машину гитлеровцев. Кроме разведывательной работы, специальный отряд разведчиков ежедневно совершал диверсии, разгром немецких полицейских участков, гарнизонов, подрыв военных эшелонов с техникой и живой силой противника, громили оккупантов

ВСТРЕЧА ЧЕРЕЗ 25 ЛЕТ

диверсантов, изменников Родины, предотвращала расправу фашистов над мирным населением, разоблачала джепартизан и мародеров, уничтожала коммуникации, военные сооружения и живую силу противника. Советские разведчики, работая на заводах, фабриках, военных коммуникациях, железной дороге, в учреждениях полиции, жандармерии, городских и сельских управах, повседневно жертвуя своей жизнью, семьей, детьми, планомерно распатывали оккупационный строй и всю

днем и ночью.

Один из активных участников этой грудной, но благородной работы был наш земляк Александр Петрович Тетцов.

По поручению ветеранов, активных участников Гомельского подполья В. Н. ТУРЦЕВИЧ.

НА СНИМКЕ: руководитель Гомельского подполья в период Великой Отечественной войны Николай Исаакович Шибек и руководитель группы подполья Александр Петрович Тетцов.

Фото 7. Газетная статья о поездке А.П. Тетцова в Белоруссию на встречу с друзьями-ветеранами Гомельского подполья, спустя 25 лет (из семейного архива).

Александр Петрович Тетцов награжден Орденом Красной звезды, Орденом Красного Знамени, медалью «Партизан Отечественной Войны I

степени», другими орденами и медалями. ДОКУМЕНТЫ! Умер Александр Петрович 3 марта 1985 года

Фото 8. Награды А. П. Тетцова. Дочь Панкратова Т. А. с внучкой на презентации книги «АД 184» в Тюменской областной научной библиотеке им. Д. И. Менделеева, март 2019 год (из архива оргкомитета «Вяземский мемориал»).

Как представитель родных солдат, трёх обширных территорий России – ДФО, СФО и УрФО, отдавших свои жизни на Смоленской земле в ДУЛАГЕ 184, воевавших и выживших в этой страшной мясорубке Смоленщины, заверяю, мы горячо поддерживаем Международную научно-практическую конференцию, посвящённую 80-летию Великой Победы, обозначенные ею проблемы о недопустимости размещения на местах упокоений советских солдат, каких либостроек, модных клубов, торговых и развлекательных центров, жилых кварталов!!! Как сейчас по некоторым бывшим республикам Советов и в западных странах с остервенением происходит снос памятников советского наследия, так и землю, политую кровью бойцов преступно трогать, руки прочь! Народ, не знающий своего прошлого, не имеет будущего! В восемнадцатом веке великий учёный Ломоносов М. В. это понимал, а наши чиновники и «слуги народа» видимо думают и чувствуют иначе, «скруджи макдаки» нашей современности, прискорбно.

Оргкомитет «Вяземский мемориал» рассчитывает на поддержку участников конференции по аналогичным проблемам и вопросам по нашей поисковой работе в г. Вязьма Смоленской области – по лагерю военнопленных ДУЛАГ 184. С 2008 Международная ассоциация общественных поисковых объединений «Народная память о защитниках Отечества», Оргкомитет «Вяземский мемориал» во главе с легендарным поисковиком международного поискового движения Ивановой Евгенией Андреевной, родные бойцов, поисковики ведут действительно ожесточённую борьбу с Главами Администрации г. Вязьма, по достойному увековечению памяти узников лагеря смерти ДУЛАГ 184.

Ни разу Глава Администрации МО «Вяземский район» И. В. Демидова (в 2024 г. ушла в отставку) и ее заместители не поддержали идеи родных и поисковиков по увековечению памяти узников, ни на одно письмо не ответили положительно, всегда вразрез с пожеланиями и предложениями в реальных делах. Недопустимо! Упорно не желали слышать мнения родных по написанию имён на мемориальных плитах, брали за основу ФИО солдат из неточных данных, которые искажены в документах ЦАМО РФ со времён войны, несмотря на то, что поисковиками была проделана громадная работа по выверке имён, поиску родных и их оповещению. Выверенные имена в алфавитном порядке, по лазаретам размещены в книге «Ад 184» и даже направлялись Главе Администрации отдельным списком по электронной почте. И тем не менее, чиновниками было принято неслышимое решение высекать на памятных плитах искаженные ФИО, что является «нечеловеческим» решением, а в свете нынешних событий профашистским. Мы считаем это целенаправленным искажением истории. Нет, чтоб пойти с поисковиками одним путём, отработать списки и предоставить информацию в ЦАМО, так ведь намерено вели затяжную переписку и делали отписки не по существу вопроса - прямое вредительство! Считаем действия вяземских чиновников надругательством над памятью павших при защите Отечества, проявлением политической безграмотности руководства МО «Вяземский район» в наше непростое время противостояния в мире. Из-за таких равнодушных и безответственных чиновников, идеи нацизма могут стать в наши дни актуальными!

ТРЕБУЕМ: демонтировать установленные в 2021 г. за спинами родственников погибших защитников Родины позорные пилоны (плиты), выполненные по образцу увековечения памяти немецких оккупантов (д. Корпово Новгородской области, немецкое кладбище. Образец включен в Эскизный проект в Вязьме, подписан Главой Администрации). Изготовить новые мемориальные плиты, чтобы люди понимали, что здесь лежат советские воины, а не немецкие солдаты!

ТРЕБУЕМ:

- создания единой комиссии (рабочей группы) по увековечению на мемориальных плитах имен защитников Отечества, погибших в ДУЛАГЕ-184

и других лагерях военнопленных в г. Вязьма, с участием представителей Управления МО РФ по увековечению памяти погибших при защите Отечества, Администрации Смоленской области, родственников погибших и поисковиков-исследователей (от Оргкомитета Вяземский мемориал и МАОПО «Народная память о защитниках Отечества»), Администрации МО «Вяземский район», военного комиссариата города Вязьма, Вяземского и Угранского районов Смоленской области.

- исправить искажения в именах на мемориальных плитах с именами жертв немецкого пересыльного лагеря военнопленных ДУЛАГ-184 и не допускать подобного в последующих аналогичных работах.

- продолжить размещение на именных плитах у Мемориала по ул. Репина имен погибших тремя группами с обозначением лазаретов ДУЛАГА-184, как реально существующим братским кладбищам на территории г. Вязьма; указывать перед списками номера лазаретов и сведения о месте их нахождения.

- согласовать Проведение совместной работы поисковиков и местных «структурных подразделений» МО «Вяземский район» по заполнению персональных карточек погибших, согласно сведениям, уточненным поисковиками МАОПО «Народная память о защитниках Отечества» и Оргкомитетом «Вяземский мемориал».

- рассмотреть вопрос об увековечении на мемориальных плитах имен узников пересыльных лагерей военнопленных в Вязьме (кроме ДУЛАГА-184 в Вязьме находились пересыльные лагеря №№ 230 и 231), установленных поисковиками позднее и не отмеченных в списках лазаретов ДУЛАГА-184.

- рассмотреть вопрос о возможности включения в паспорт на захоронение и затем на мемориальные плиты имен узников, погибших в лазаретах ДУЛАГА-184, но огульно в 1980 г. записанных на стелы Екатерининского городского кладбища г. Вязьма, что не подтверждено никакими документами и не соответствует действительности (книга «АД-184», стр. 331-332). Администрации МО «Вяземский район» предоставить в распоряжение родственников и поисковиков списки погибших в ДУЛАГЕ-184, занесенные на плиты городского Екатерининского кладбища.

- Отозвать из ЦАМО РФ фиктивный паспорт 2014 г. на несуществующее захоронение у мясокомбината (ул. Репина, 16), подписанный мэром Вязьмы Александром Клименковым и начальником отдела ВКСО по городу Вязьма и Вяземскому району Олегом Бурyleвым.

- паспортизировать три братские могилы жертв немецких пересыльных лагерей военнопленных в Вязьме в районе Мемориала по ул. Репина, возникших в ходе проведения Межрегиональной Вахты Памяти 1999 года Центром «Долг» (руководитель Н. Г. Куликовских).

Считаем, что на фоне нынешних политических условий, имеем право бороться за духовность в своей стране, этим «русские» люди всегда были

наделены до краёв, так же как солдаты, погребённые на Смоленщине, отдавшие самое дорогое что у них было – СВОЮ ЖИЗНЬ!

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванова Е. А. «АД-184. Советские военнопленные, бывшие узники вяземских «ДУЛАГОВ», вспоминают...». ООО «Издательство «Родина», 2021.
2. Газета «Тюменская область сегодня». Архив от 17 января 2014 г. «Военная тайна Александра Тетцова».
3. Фото и документы из архива Международной ассоциации общественных поисковых объединений «Народная память о защитниках Отечества»
4. Фото и документы из семейного архива А. П. Тетцова

LET'S REMEMBER THOSE... THEY FOUGHT FOR THE SMOLENSK REGION SO THAT FASCISM WOULD NOT REACH MOSCOW AND TEAR APART THEIR HOMELAND! TO REMEMBER EVERYONE BY NAME: PARAMEDIC SIBERIAN TETTSOV ALEXANDER PETROVICH

Yarkova I. A.

It is dedicated to the fate of a boy from a remote Siberian village, young paramedic Tettsov Alexander Petrovich, cherished by an angel, who passed through GULAG 184, who partisan in the forests of Belarus in the legendary Vikhr detachment, senior lieutenant of state security Vladimirov (the prototype of the novel by Julian Semenov "Major Whirlwind"), the feat of the inhabitants of the village of Tikhonovo, spontaneous "hospitals" of the Smolensk region. This material is the result of many years of painstaking work to find the relatives of the hero A. P. Tettsov, original documents, and publications about him.

Key words: DULAG 184 transit camp in Vyazma, paramedic Tettsov Alexander Petrovich, medical work in captivity, patriotism of ordinary residents of the Smolenskaya land.

Об авторе

Яркова Ирина Алексеевна, поисковик, добровольный помощник программы «Жди меня!» (2006-2008 гг.), член Оргкомитета «Вяземский мемориал», член Тюменского регионального отделения РВИО, представитель родных солдат – узников ДУЛАГА-184 по ДФО, СибФО, УрФО. г. Тюмень, Тюменская область, Россия (klima62@yandex.ru).

Оргкомитета «Вяземский мемориал»

Тюменского регионального отделения РВИО, представитель родных солдат –
узников ДУЛАГА-184 по ДФО, СибФО, УрФО.

г. Тюмень

Россия

Поступила в редакцию 5.03.2025.